

ОТЗЫВ

на диссертацию Аннай Эллады Кан-ооловны по теме «Экспрессивная лексика тувинского языка, характеризующая человека (в сопоставительном объекте)», представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание».

Диссертация посвящена функционально-семантическому и сравнительно-сопоставительному исследованию экспрессивов, характеризующих человека, на материале тувинского и русского языков, также обсуждается структура и происхождение анализируемых лексем. Обращение автора к достаточно широкой и сложной проблематике, определяемой двумя ключевыми пространствами – экспрессивы и характеристика (шире – образ) человека – связано с бурным развитием антропоцентрического направления в лингвистике в последние десятилетия.

Диссертационная работа включает введение, две главы, заключение, список литературы, шесть приложений. Структура работы полностью соответствует проблематике, вынесенной в заголовке, и коррелирует с прописанными целью и задачами исследования. Общий объём работы вместе с приложениями составляет 232 с.

В работе ставится целью выявление тувинских экспрессивных лексем и устойчивых словосочетаний, характеризующих человека, и их анализ в структурном, семантическом, сравнительно-сопоставительном аспектах. Если в связи с развитием когнитивной научной парадигмы и бурно развивающегося направления семантики слова феномен экспрессивности находится в центре внимания лингвистов – русистов, то в тюркских языках данная категория слов является почти не исследованной. Учитывая этот факт, исследование Э.К.Аннай является в высшей степени *актуальным*. Востребованность данного исследования проявляется также в выявлении и анализе лексем, репрезентирующих характер человека и проведении лексических и когнитивных границ лингвокультурологического образа человека, что также в тюркских языках пока ещё не освоена в полной мере.

Новизна данного диссертационного исследования определяется тем, что впервые в тувинском языкознании дано системное описание экспрессивной лексики, характеризующей человека, а именно, выявление и анализ данного пласта лексики, составление их семантико-структурной классификации, а также определение семантических сходств и различий экспрессивов в тувинском и русском языках.

Результаты анализа экспрессивной лексики, безусловно, являются *теоретически значимыми*, в частности, представляют научный интерес способы образования экспрессивной семантики в тувинском языке: семантические, метафорические дериваты, конверсивы, различные модели словосочетаний и др. Некоторые из описанных со структурно-семантической точки зрения моделей, возможно, специфичны только для тувинского языка,

например, хроматические словосочетания (точнее, фразеологизмы?) с компонентами *хара* «чёрный», *көк* «синий», *кызыл* «красный». В хакасском языке из этих цветообозначений только лексема *хара* «чёрный» участвует в выражении некоторых негативных понятий (например, *хара сагыс* «злой умысел (букв. чёрная мысль)», *хара айна* «букв. чёрный чёрт» и т.д.), а также форм усиления признака (например, *хара чалгыс* «совсем один»; *хара чархастыг* «ужасно надоедливый» и т.д.). Достаточно подробно проанализированы тувинские экспрессивы монгольского происхождения, в семантике которых доминируют коннотативные компоненты. Думается, что результаты и методы исследования, теоретические наработки и выводы автора, в некоторой степени, станут подспорьем для будущих исследований по данной или близкой тематике и в других тюркских языках Сибири.

Практическую значимость данного исследования обеспечивает широкий полевой подход к исследуемым языковым явлениям. Выводы автора могут быть использованы в преподавании лексикологии тувинского и других тюркских языков, посвящённых категориям экспрессивности, лексической семантики, тематических групп, также при чтении лекций по общему и сопоставительному языкознанию, тюркской лингвокультурологии и когнитивистике. Также богатый материал исследования (около 700 лексических единиц) может быть использован в лексикографической работе, в частности, в дополненном виде может быть создан Словарь экспрессивных слов в тувинском языке. В целом, работа представляет интерес для исследователей тюркских и алтайских языков, специалистов по лингвистической семантике, преподавателей тувинского и других тюркских языков.

Достигнутые научные результаты в 11 *положениях*, выносимых на защиту, убедительно обоснованы в порядке изложения в диссертации. Можно сказать, что эти результаты представляют новые сведения для научного осмысления статуса экспрессивной лексики в тувинском языке и их лексических соответствий в русском языке.

В первой главе «*Экспрессивная лексика как объект лингвистического изучения*» [с. 13-38] определяются ключевые семантические и структурные характеристики экспрессивов в русском языке, раскрываются способы их образования, даётся обзор литературы по теме в русском и тюркских языках. Надо отметить, что, несмотря на широкое освещение данной проблематики в современной лингвистике, остаются нерешёнными вопросы лингвистического осмысления экспрессивности в свете её функционально-семантических форм выражения. В тюркских языках также недостаточно определены сущностные свойства моделирования и классификации семантико-когнитивной структуры экспрессивов. Указанные автором в параграфе «1.1.2. Изучение экспрессивной лексики в тюркологии» [с. 16-19] работы имеют лишь косвенное отношение к исследуемому пласту лексики. Думается, что сложность и неопределённость решаемых вопросов стала причиной того, что в данной главе автор с опорой на методологическую базу

русистики ограничился лишь кратким изложением теоретических обоснований семантических и структурных принципов выделения экспрессивной лексики и определения их статуса в русском языке (всего 25 стр.).

Во второй главе «*Экспрессивные слова и словосочетания, характеризующие человека, в тувинском и русском языках*» [с. 39-171] описываются экспрессивные имена и словосочетания в тувинском языке, характеризующие человека, и проводится сопоставление семантических групп тувинского и русского языков. Экспрессивные *существительные* делятся на три группы: 1) семантические дериваты; 2) словообразовательные дериваты; 3) заимствования. Экспрессивные *словосочетания* подразделяются на: 1) словосочетания свободной сочетаемости; 2) фразеологизмы 3) устойчивые хроматические словосочетания. В данной главе диссертант показывает, что совокупность структурных, семантических, словообразовательных и синтаксических средств языка способствуют наиболее яркому выражению тувинских и русских экспрессивов. К тому же данная категория лексики представляет собой сложно-структурированную и организованную систему. Как считает автор, самыми частотными семантическими группами в обоих языках являются «Человек ленивый» (36 единиц) и «Человек глупый» (31 единица), члены которых уточняют и конкретизируют общую сему. Такое разнообразие оценочных лексических выражений свидетельствует о наиболее непримиримом отношении этноса к этим двум человеческим порокам – лени и глупости.

В описании тувинско-русских соответствий – экспрессивов представляется интересным факт наличия русских заимствований в тувинском языке и их функционирование в художественной литературе и разговорной речи. Некоторые из них зафиксированы в Тувинско-русском словаре [1980], например, *жмот*= NQual; *тугодум*= NQual; *халтура*=NQual; *кино*= NQual и др. [с. 118-120]. Тем самым диссертант сделала попытку проанализировать и ввести в научный оборот незатронутый ранее в тувинском языкознании фактический материал.

В данной главе также заслуживает внимания анализ вторичных значений зооморфизмов, актуализирующих те или иные черты характера человека, например, *эзир* ‘орёл’ → ‘молодец’= NQual; *аскыр* ‘жеребец’ → ‘бабник’= NQual; *коккаарак* ‘волк’ → ‘страшный, плохой человек’= NQual; *дилги* ‘лиса’ → ‘хитрец, подлиза, подхалим, обманщик’= NQual; *хаван* ‘свинья’ → ‘неряха, грязнуля’= NQual и др. При этом большая часть тувинских и русских эквивалентов зооморфизмов находятся в отношениях смыслового совпадения. Однако имеются переносные значения зооморфизмов, специфичные только для тувинского языка, например, *мезил* ‘налим’ → ‘дурачина, дурак’ = NQual; *хек* ‘кукушка’ → ‘лгун’= NQual; *курт-чажар* ‘вольфартова муха’ → ‘любвеобильный мужчина’ = NQual и др. [с. 39-74]; *курт-чажар* 1) ‘мясная муха’ → 2) ‘о мужчине, у которого дети у разных женщин’; *теве сидии* 1) букв. моча верблюда → 2) ‘об упрямом человеке’;

хөкпеш/бора-хөкпеш 1) синица → 2) 'о бедном, притесненном, жалком человеке' [с. 203-204] и др. В структуре почти всех вторичных номинаций зооморфизмов превалирует пейоративная оценка человека. Принято считать, что для тюркских языков нехарактерна метафоризация образов животных и зверей, как в русском языке. Но диссертант наличие таковых в тувинском языке продемонстрировала большим обилием примеров, где большинство образных лексем используются как обращения, что тоже представляет специфику тувинского языка.

Немаловажным достоинством диссертационного исследования является то, что оно обильно иллюстрировано таблицами в тексте и в Приложениях, что облегчает и структурирует восприятие разнообразных анализируемых экспрессивов, тем самым выводы исследования являются наглядными и убедительными, хотя встречаются и спорные моменты.

В *Заключении* изложены основные выводы исследования.

Известно, что решение столь значимой и обширной проблемы не может не вызывать необходимость выяснения и интерпретации некоторых вопросов:

1) в теоретической части диссертации не обозначены и не прокомментированы такие доминирующие характеристики экспрессивного слова, как: а) их прагматическая асемантичность; б) недолговечность экспрессивного компонента в слове; в) развитие экспрессивных вариантов в структуре многозначного слова; г) частое отсутствие экспрессивного компонента в словарных дефинициях многозначного слова; г) преобладание субъективно-оценочного фона в экспрессивном слове и др.;

2) в ходе анализа семантической структуры экспрессивного слова следует обращать внимание на многогранность его функционально-стилевого комплекса и на открытость стилевых границ. «Стилевая маркированность слов опознаётся говорящим или пишущим на базе контекста или целого текста» [Матвеева, 2013, с. 47]. Одно и то же слово в зависимости от контекстных условий реализации может приобретать разный стилевой окрас, в том числе и экспрессивный. Слова *уйгужу* 'засоня' от слова *уйгу* 'сон', *арагачы* 'алкоголик' от слова *арага* 'алкоголь', *содаачы* 'драчун, скандалист' от лексемы *содаа* 'драка, ссора' и др. диссертантом представлены как экспрессивы. Но такие лексемы в контексте за отсутствием определённых и оценочных компонентов могут характеризоваться нейтральной стилевой окрашенностью. Вопрос: в каких случаях происходит межстилевая дифференциация и слова переходят в разряд экспрессивов? Например, в предложении *Шериг-оол саттыныкчыларның бирээзи турган, ол чоок эштерин дужаап берипкен* (И-7). 'Шериг-оол был одним из предателей, он выдал своих близких друзей' [с. 90] лексема *саттыныкчы* «предатель» – действительно ли экспрессив?;

3) при анализе автором содержания экспрессивных единиц часто прослеживается недосказанность и остаются неясными вопросы относительно их функционально-семантических особенностей. Например,

непонятно, всегда ли играют значимую роль в реализации экспрессивов их сочетаемость особенности, например, в реализации лексемы *хөөкүй* «бедный, несчастный, жалкий // бедняга» [ТРС 1968: 491], где её сочетание с *судалы чок* даёт значение «мертвец»: *Ону доп-дораан куусетнес, будурбес болзуңза, суу чок байлаң, судалы чок хөөкүй болур сен* (У-Х, 64) 'Если не исполнишь все её желания, то окажешься как рыба без воды, как мертвец без пульса'. И насколько сгущается эмоциональный окрас при сочетании двух синонимичных экспрессивов: *хөөкүй* и *бараскан*, например, в предложении: *Хөөкүй барасканны ам-на аарыг салып өршээр боор* (И-6) 'Наверно, сейчас-то отпустит болезнь беднягу'? [с. 83-84]. С учётом каких семантических особенностей действуют в предложении эти две лексемы?;

4) на стр. 94 приведены форманты положительной оценки в тувинском и русском языках. Здесь видим большую разницу в численности уменьшительно-ласкательных аффиксов: в тувинском языке 9 (последний аффикс *-ка*, явно, заимствован с русского языка), а в русском языке – 24. Очевидно, что данный феномен связан с национальным менталитетом и характером двух этносов, а язык выступает как их отражение. Что Вы скажете по этому поводу?;

5) В разделе «2.1.5.2. Форманты положительной оценки в тувинском и русском языках» о показателе *=най/=бай* автор пишет, что он помимо положительной семантики выражает и «ироническое значение с целью разоблачения отрицательных черт характера человека: *чалгаа* 'ленивый' + *=най* 'лентяй', *олут* 'сидение' + *=най* 'лежебока'» [с. 96]. Однако, исходя из прагматических соображений, подобные лексемы могут выполнять и отрицательные коммуникативные функции, например, *чуттугбай* «неряха, грязнуха, грязнуля» [ТРС 1968: 548]. В русском языке такая же ситуация, например, выражения типа *Умник (работничек, папаша и др.) нашёлся!* Думается, что представленные автором семантические раскладки структуры экспрессивов свидетельствуют о несовершенстве проведённой классификации;

6) обращают на себя внимание некоторые недоработки в техническом оформлении текста диссертации, например, изредка встречающиеся опечатки, нерасшифровка аббревиатур при первом же упоминании в тексте, отсутствие описаний в тексте диссертации некоторых типов экспрессивов, представленных в Приложениях и др.

Высказанные вопросы и замечания никак не снижают общую позитивную оценку работы и не умаляют ценности диссертации Аннай Эллады Кан-ооловны, а носят дискуссионный характер. Автор демонстрирует оригинальность подхода к решению поставленных задач, обосновывая доказательства на репрезентативном фактическом материале. Реферируемое диссертационное исследование представляет собой законченное фундаментальное исследование, имеющее неоспоримую теоретическую и практическую ценность. Названные в автореферате 12 статей с достаточной

полнотой и убедительностью показывают содержание проведённого исследования.

Заключение. Диссертация Э.К.Аннай по теме «Экспрессивная лексика тувинского языка, характеризующая человека (в сопоставительном объекте)» является завершённым научным исследованием, по своему материалу и методологии соответствует паспорту специализации 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание и отвечает требованиям к диссертациям на соискание учёной степени доктора наук, установленным в пунктах 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, №842 (в редакции от 01.10.2018), а автор, Анна Эллада Кан-ооловна, заслуживает присуждения ей учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова», доктор филологических наук (специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (урало-алтайские языки))

15 сентября 2021 года

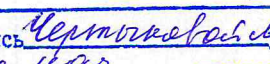
 Чертыкова Мария Дмитриевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова».

655017, г. Абакан, пр. Ленина, д. 90,

Тел. + 7 (3902) 24-30-18; 24-33-64; факс +7 (3902) 24-33-64

E-mail: univer@khsu.ru, isat_ol@mail.ru

Подпись		Удостоверяю
Зам. рек		управления кадрами
	УГУ им. Н.Ф. Катанова	
		
15	09	2021 г.

